

Перезагрузка глобализации

Сокращение потоков капитала и торговли
между странами может оказаться менее
серьезным, чем представляется

Сумерки в Гамбургском порту, Германия.

Себастиан Маллаби

ДВА десятилетия после завершения холодной войны превозносились и осуждались как эра глобализации. Темпы перемещения капитала, товаров и людей между странами неуклонно возрастали. С момента падения Берлинской стены в 1989 году и до первых признаков мирового финансового кризиса в 2007 году объем международных потоков капитала увеличился с 5 до 21 процента мирового ВВП, объем торговли — с 39 до 59 процентов, при этом число людей, живущих за пределами страны рождения, выросло более чем на четверть.

Но сегодня картина выглядит не столь однозначно. Международные потоки капитала резко сократились. Торговля пребывает в состоянии стагнации. Лишь темпы перемещения людей между странами продолжают расти.

Предвещает ли все это начало новой эры — возможно, эры деглобализации? Подобный поворот событий не исключен: стремительная глобализация в конце девятнадцатого века сменилась в начале двадцатого деглобализацией. И все же в отсутствие шока, сопоставимого с Первой мировой войной или с Великой депрессией 1930-х годов, история вряд ли повторится. Если заглянуть глубже газетных заголовков, можно прийти к выводу, что глобализация трансформируется, а не стагнирует или поворачивает вспять.

Потоки капитала

Сначала рассмотрим тенденции, связанные с глобальными перемещениями капитала, — самый наглядный аспект концепции деглобализации. По данным Глобального института McKinsey (Lund et al., 2013), в 2008 году трансграничные потоки капитала резко сократились, составив всего 4 процента мирового ВВП, что в пять раз ниже их пикового значения годом ранее (см. рис. 1). Подобный коллапс, наряду с дальнейшим сокращением трансграничного финансирования в 2009 году, стал отражением небывалого замораживания активности на финансовых рынках после банкротства американской инвестиционной фирмы Lehman Brothers в сентябре 2008 года. Но еще примечательнее тот факт, что уровень финансовой глобализации не восстановился и до сих пор. Согласно обновленным данным исследования, проведенного Институтом McKinsey в 2013 году, трансграничные потоки капитала сократились до 2,6 процента от мирового ВВП в 2015 году, а в период с 2011 по 2015 год составляли в среднем всего 5,4 процента мирового ВВП, или четверть от уровня 2007 года.

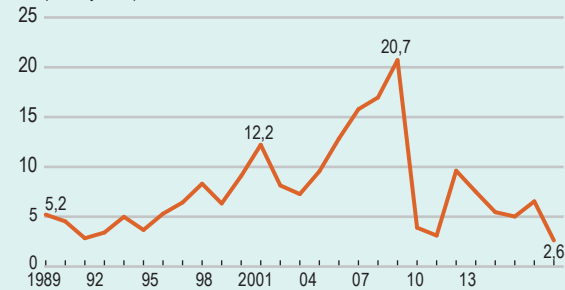
Чем это может объясняться? Прежде всего, полезно разделить все трансграничные финансовые потоки на четыре категории (см. рис. 2). В одной из этих категорий — портфельных инвестициях в инструменты участия в капитале, то есть приобретении инвесторами акций на зарубежных фондовых рынках, — с 2007 года наблюдается небольшой рост в долларовом выражении. Еще два типа потоков — покупки облигаций и прямые иностранные инвестиции — сократились, но не очень сильно. Но в четвертой категории — банковском кредитовании — наступил резкий спад. В 2015 году чистая сумма трансграничного кредитования оказалась отрицательной, поскольку банки отозвали больше международных кредитов, чем предоставили. Исходя из своих расчетов из совокупности этих показателей, Институт McKinsey установил, что на сокращение банковского кредитования между странами приходится три четверти от общего спада трансграничного финансирования в период с 2007 года.

В некоторой степени (причем, вероятно, весьма значительной), подобный отход от трансграничного кредитования представляет собой нормальную корректировку. До 2007 года

Рисунок 1

Кризис капитала

Трансграничные потоки капитала как доля мирового ВВП резко сократились после мирового кризиса и остаются на уровне гораздо ниже своего максимального значения в начале 2000-х годов. (Мировой трансграничный приток капитала, в процентном отношении к мировому ВВП)

Источник: Глобальный институт McKinsey.

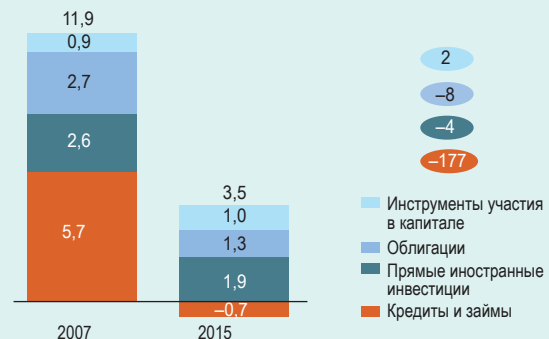
Рисунок 2

Банковское кредитование исчезает

За период с 2007 по 2015 год трансграничные покупки облигаций и прямые иностранные инвестиции сократились, в то время как трансграничные покупки акций несколько увеличились. Трансграничное банковское кредитование резко сократилось.

(Мировой трансграничный приток капитала по типам, в трлн долл.)

(Совокупный среднегодовой темп роста за 2007–2015 гг., в процентах)

Источник: Глобальный институт McKinsey.

необоснованно высокий рост международного кредитования был вызван тем, что банки были одержимы двумя параллельными тенденциями: европейские банки скупали низкокачественные ипотечные кредиты в США, а банки из Северной Европы массово кредитовали средиземноморскую периферию. Таким образом, неудивительно, что коллапс трансграничного кредитования в основном пришелся на европейские банки. По сообщениям Банка международных расчетов, на протяжении всех восьми лет после банкротства Lehman Brothers банки из зоны евро ежегодно сокращали свои зарубежные требования почти на 1 триллион долларов США, что намного превышает спад в других регионах.

Правильный подход

С учетом вышесказанного, данные за годы, предшествовавшие финансовому кризису, не позволяют оценить, какую степень

финансовой глобализации следует считать нормальной или желательной. Объем трансграничных потоков капитала, достигший максимальной отметки в 21 процент мирового ВВП, стал отражением нездоровой смеси амбиций и доверчивости банков, прежде всего европейских. Но если 2005–2007 годы были отклонением от нормы, то что же можно считать адекватным стандартом глобальной интеграции?

Чтобы ответить на этот вопрос, можно рассмотреть период с 2002 по 2004 год, отмеченный относительным затишьем между крахом интернет-компаний в начале 2000-х годов (так называемым коллапсом доткомов) и более поздним всплеском высокорискового кредитования в США и кредитной мании европейских банков в том же десятилетии. В эти три года объем трансграничных потоков капитала составлял в среднем 9,9 процента мирового ВВП. Если ориентироваться на этот стандарт, новая норма 2011–2015 годов оказывается немногим более половины от нормы предыдущего десятилетия. Судя по данному критерию, можно предположить, что финансовая деглобализация зашла слишком далеко.

На этот вопрос есть, однако, и второй возможный ответ, поскольку то, что считалось нормой даже в безмятежные годы первой половины 2000-х годов, отнюдь не обязательно является желательным. С того времени произошла переоценка аргументов в пользу трансграничного финансирования. Во-первых, некоторые из его теоретических преимуществ так и не вышли за рамки теории. В принципе, финансовая глобализация позволяет вкладчикам в богатых странах получать высокие доходы от инвестиций в быстро развивающуюся экономику стран с формирующимся рынком, что помогает богатым странам в решении проблемы формирования пенсионных накоплений. В то же время в страны с формирующимся рынком поступает приток иностранного капитала, позволяющий им увеличивать капиталовложения и быстрее сокращать разрыв с богатыми странами. Но в действительности многие крупные страны с формирующимся рынком обеспечивали рост за счет привлечения внутренних сбережений и экспортировали, а не импортировали капитал. Хрестоматийные аргументы в пользу финансовой глобализации работают в основном лишь в учебниках.

Если преимущества финансовой глобализации на практике оказались туманными, то ее недостатки становятся все очевид-

нее. Во-первых, в благоприятные периоды глобальный капитал устремляется в небольшие страны с открытой экономикой, что повышает риск чрезмерных инвестиций и возникновения спекулятивных «пузырей»; напротив, с ухудшением ситуации наблюдается отток капитала, что усугубляет рецессию. Это побуждает страны со средним уровнем дохода экспериментировать, вводя различные меры контроля за операциями с капиталом. Во-вторых, трансграничная банковская деятельность подразумевает участие крупных и сложных кредитных организаций, с трудом поддающихся регулированию, создающее риски для общества, что со всей очевидностью проявилось во время краха 2008 года. Ввиду этих рисков органы регулирования развитых стран предприняли шаги против авантюрных зарубежных инвестиций банков, что также существенно способствовало деглобализации. Как показано в работе Forbes, Reinhardt, and Wieladek (2016), в Великобритании законодательное ограничение зарубежного кредитования оказалось чрезвычайно действенной мерой, обеспечившей в 2012–2013 годах примерно 30-процентное сокращение объема трансграничных кредитов, выданных британскими банками.

Международная составляющая финансов, бесспорно, сократилась, однако неясно, насколько удачно для этого явления название «деглобализация», имеющее коннотацию регрессии, или же следует использовать более позитивное обозначение — «более рациональное глобальное управление». В конечном итоге новые нормативные ограничения, по крайней мере отчасти, стали реакцией на риски трансграничного финансирования, свидетельствуя о том, что желательный уровень потоков капитала должен быть гораздо ниже 9,9 процента мирового объема производства, как в 2002–2004 годах. Если бы оптимальное значение составляло, к примеру, 5 процентов, сегодняшний уровень финансовой глобализации можно было бы признать приблизительно оптимальным.

Сокращение объемов торговли

Рассмотрим теперь вторую форму глобализации — торговлю. В этом случае преимущества трансграничной деятельности вызывают меньше сомнений. Впечатляющие достижения в развитии восточноазиатских стран тесно связаны с экспортом. От Африки и Латинской Америки до Южной Азии автаркия, то есть выбранный государством курс на самообеспечение в ущерб внешней торговле, оказалась плохим средством для борьбы с нищетой. По данным экономистов Гэри Хафбауэра и Эуйджин Цзюна (Gary Hufbauer and Euijin Jung, 2016), неуклонное расширение торговли после Второй мировой войны обеспечивало ежегодное увеличение национального дохода США более чем на 1 триллион долларов и соразмерно больший прирост в мировом масштабе. Несмотря на то что торговля, подобно технологическому прогрессу, может привести к неравномерному распределению доходов, выгоды от глобализации для экономики в целом намного перевешивают потери для работников, сопряженные с импортом. Таким образом, протекционизм нельзя считать верным ответом на неравенство. Для перераспределения части общего прироста доходов в пользу тех, кому торговля наносит ущерб, существуют налогообложение и политика расходов. То, что до сих пор такое перераспределение было неадекватным, — проблема политики, а не глобализации.

Пассажиры на Лионском вокзале, Париж, Франция.

Именно потому, что торговля настолько выгодна, возникшее сопротивление торговле имеет негативный эффект. Переговоры о мировой торговле в Дохе закончились неудачей, перспективы ратификации Транстихоокеанского партнерства оказались под вопросом, попытки заключить соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве зашли в тупик. Решив покинуть Европейский союз, британские граждане продемонстрировали безразличие к преимуществам единого европейского рынка, или, по меньшей мере, свое нежелание принять миграцию в качестве цены за членство в ЕС. Текущая президентская кампания в США также отражает снижение той поддержки, которой пользуется торговля. Кандидат от республиканцев Дональд Трамп пообещал ввести штрафные тарифы для торговых партнеров. Кандидат от демократов Хиллари Клинтон отказалась от поддержки соглашения о Транстихоокеанском партнерстве.

Подобная негативная реакция отражает резкое падение темпов роста торговли относительно ВВП. В 1990–2007 годах объемы мировой торговли увеличивались примерно вдвое быстрее объема мирового производства, а с 2008 года стали отставать от мирового роста. Как и в случае с финансовой глобализацией, эта тенденция не закончилась и с преодолением последствий кризиса, связанного с банкротством Lehman. В 2009 году торговля, как доля мирового ВВП, резко сократилась, а в 2010–2011 годах так же резко выросла. Тем не менее, начиная с 2012 года этот рост приостановился, а затем стал отрицательным (см. рис. 3).

И все же, как и в случае с финансами, удар по перспективам конструктивной глобализации не столь тяжел, как кажется. Отчасти это замедление объясняется возведением бесчисленного множества неочевидных торговых барьеров — Хафбауэр и Цзюнь называют это «микропротекционизмом». МВФ проанализировал последствия этого усиления протекционизма и оценил их как «ограниченные». Таким образом, замедление темпов роста торговли в основном отражает статистические факторы, которые не следует воспринимать как препятствия на пути к глобализации. В некоторой степени это замедление даже можно считать отражением изменений, которые подтверждают эффективность процесса глобализации.

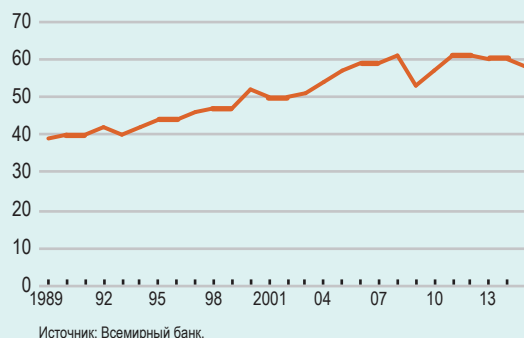
Рассмотрим, например, сокращение объемов торговли с 60 процентов мирового ВВП в 2014 году до 58 процентов в 2015 году, что эквивалентно снижению на 4,5 триллиона долларов США. Значительная доля этого спада представляет собой статистическую иллюзию: доллар укрепился, а цены на биржевые товары снизились, то есть объем торговли в долларовом выражении сократился. Это хорошо видно на примере нефти: в 2015 году ее цена была на 48 процентов ниже, чем в 2014 году, и это привело к снижению стоимости проданной нефти на 891 миллиард долларов США, даже несмотря на фактическое увеличение ее количества в баррелях (ВР, 2016). Один только этот эффект позволяет объяснить пятую часть сокращения объемов торговли относительно ВВП в 2015 году. В то же время цена на железную руду снизилась на 43 процента, а на пшеницу — на 24 процента. Эти ценовые корректировки создают видимость ослабления торговли, но ничего не говорят нам об общем состоянии глобализации.

Кроме того, на торговлю может повлиять процесс приближения производства к потребителям, даже в тех случаях, когда это не связано с возведением протекционистских барьеров для трансграничной коммерческой деятельности. Например, создание революционной технологии бурения под названием «гидроразрыв пласта» привело к снижению потребности США в импорте нефти и газа. Развитие производственных цепочек поставок в Азии может иметь подобный эффект. Раньше китайские предприятия занимались сборкой таких изделий, как iPhone, импортируя различные сложные компоненты, например полупроводники. Сегодня, за счет накопления опыта и знаний,

Рисунок 3

Изменчивость мировой торговли

Мировая торговля сократилась после финансового кризиса, затем восстановилась, а в последнее время вновь сократилась. (Мировая торговля, в процентном отношении к мировому ВВП)

они могут изготавливать эти компоненты внутри страны, что позволяет сократить импорт. Таким образом, как это ни парадоксально, модель развития Китая на основе торговли — один из наиболее ярких примеров успеха глобализации — позволила отчасти ослабить зависимость страны от торговли.

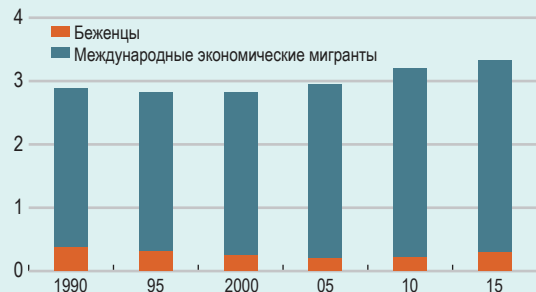
И еще два соображения, которые подводят нас к выводу о том, что наблюдаемая стагнация торговли не является значительным регрессом, по крайней мере пока. Во-первых, по мере повышения благосостояния в мировой экономике в ее структуре наблюдается естественный переход от производства к услугам, причем для услуг характерен меньший объем торговли, отчасти из-за более высоких протекционистских барьеров в соответствующих отраслях. Во-вторых, при уменьшении дисбаланса счета текущих операций торговля может замедлиться, даже несмотря на то что снижение дисбаланса — признак улучшения качества глобализации. По данным Всемирного банка, в 2007 году в Китае наблюдался профицит счета текущих операций, эквивалентный 10 процентам объема экономики страны, т.е. недостаточный уровень внутренних расходов приходилось компенсировать за счет чистого экспорта, составлявшего десятую часть объема производства. Однако к 2015 году профицит счета текущих операций в Китае сократился до всего лишь 3 процентов. Теперь Китай тратит более значительную часть своих доходов, и необходимость экспортировать такую большую часть производимой в стране продукции отпала. Разумеется, теоретически Китай мог бы еще больше увеличить объем торговли, избегая при этом торгового профицита. Однако снижение дисбаланса сбережений может быть одним из факторов, определяющих слабость торговых показателей. В то время как в Китае произошло снижение профицита сбережений, в США и странах европейского средиземноморья стало отмечаться сокращение дефицита сбережений.

Итак, торговля однозначно представляет собой положительный аспект глобализации. В мире, где торговые барьеры минимальны, производители в отдельных странах могут сосредоточиться на своих сравнительных преимуществах, приобретать опыт в процессе глобальной конкуренции и пользоваться выгодами от экономии за счет масштаба. Именно поэтому политика противодействия торговле вызывает беспокойство, особенно ввиду того, что снижение открытости и ослабление конкуренции в мире приведет к замедлению темпов роста производительности и дополнительному сокращению доходов среднего класса, на которое сетуют критики торговли. Вместе с тем данные о торговле, приводимые иногда в качестве доказательства уже происходящей деглобализации, не дают оснований впадать в отчаяние, во всяком случае, пока.

Рисунок 4

Всегда в движении

В последнее десятилетие XX века общее число мигрантов было стабильным, но с тех пор возросло.
(Доля населения мира)

Источник: Всемирный банк.

Рост миграции

В последнее время усиливается третий аспект глобализации — перемещение людей. В 1990-е годы почти не отмечалось роста экономической миграции относительно мирового населения: в начале десятилетия экономические мигранты составляли 2,5 процента от населения мира, в 2000 году их доля равнялась 2,6 процента (см. рис. 4). Однако с начала века миграция усиливается, к 2015 году увеличившись до 3 процентов мирового населения. Сейчас около 222 миллионов человек живут за пределами стран, где они родились, и это дает основания предполагать, что возможности, которые открывает переезд, перевешивают психологические преимущества укорененности — близость к семье и чувство культурного родства.

К сожалению, как свидетельствуют данные Всемирного банка, аналогичные тенденции характерны и в отношении потоков беженцев, спасающихся от войн и других нестабильных ситуаций. С 1990 по 2005 год доля беженцев в составе мирового населения снизилась с 0,37 процента до 0,20 процента. Но с тех пор тенденция изменилась, и в 2015 году доля беженцев возросла до 0,29 процента — в относительном выражении это все еще ниже, чем в первой половине 1990-х годов, когда миллионы спасались от боевых действий в бывшей Югославии, но больше в абсолютных цифрах. В 2015 году число беженцев составило 21 миллион человек, что превышает прежнее пиковое значение 1992 года — 20 миллионов. Возросло и число внутренне перемещенных лиц. В мировых масштабах проблема перемещения людей, спасающихся от войн и катастроф, достигла рекордного уровня.

Скорее положительно, нежели отрицательно

Если глобализация — распространяющийся через границы процесс обмена идеями и совместного использования ресурсов, то рассматриваемые здесь факты являются скорее положительным моментом. Динамика финансовой глобализации поменяла направление, но, возможно, новый уровень отражает более здоровое развитие. Более того, гораздо большую долю в общих трансграничных потоках теперь составляют прямые иностранные инвестиции — самая стабильная, требующая самого значительного объема знаний и наиболее продуктивная форма трансграничного потока капитала, поскольку участникам этого процесса в странах-получателях предоставляется непосредственная роль в ведении бизнеса. Торговля страдает от враждебного политического климата, но последние данные о торговле менее тревожны, чем может показаться. В то же время перемещение людей — пожалуй, наиболее важная из трех традиционных форм глобализации, — продолжает опережать рост

мирового населения. Если конечная цель глобализации — дать людям свободу реализовывать свои устремления и возможности вне национальных границ или хотя бы вырваться из суровых обстоятельств на родине, то признаков замедления этого процесса не наблюдается.

Но самый убедительный повод для оптимизма заключается в другом. За последние 15 лет возник четвертый канал глобализации, который был едва различим в то время, когда пала Берлинская стена. Происходящий в мировом масштабе обмен идеями, данными, новостями и развлекательными материалами через интернет несоизмеримо велик по сравнению с традиционными каналами взаимодействия между странами. По мнению Глобального института McKinsey (Manyika et al., 2016), эта цифровая глобализация теперь оказывает более ощутимое влияние на рост, чем торговля товарами. Миллионы мелких предприятий, которым не хватает масштаба, чтобы выйти на мировую арену физически, превратились в экспортеров, участвуя в работе торговых интернет-площадок. Около 900 миллионов человек используют социальные сети для связи с друзьями или коллегами из других стран. Миллионы студентов встречаются в виртуальных аудиториях с преподавателями, находящимися по другую сторону земного шара.

Прогресс глобализации зависит от двух сил: *технологии*, облегчающей путешествия и связь, и *политических отношений, лежащих в основе открытого мира*. Примечательной особенностью 1990-х годов было то, что обе силы действовали вместе: удешевление путешествий и телефонии было подкреплено открытием Китая и рядом прорывов в либерализации торговли — это Североамериканское соглашение о свободной торговле, единый европейский рынок и Уругвайский раунд мировых торговых переговоров.

Нельзя отрицать, что в мире наступила новая эра: технология по-прежнему стимулирует интеграцию, но политическое сопротивление усиливается. И тем не менее, на данный момент помехи со стороны политики кажутся слабее, чем движущая сила технологии. При отсутствии каких-то действительно катастрофических потрясений — наподобие мировой войны или депрессии — наиболее вероятным вариантом является продолжение глобализации. ■

Себастиан Маллаби является старшим научным сотрудником кафедры Пола А. Волкера в области мировой экономики в Совете по международным отношениям и автором вышедшей недавно книги The Man Who Knew: The Life & Times of Alan Greenspan («Человек, который все знал: жизнь и времена Алана Гринспена»).

Литература:

British Petroleum (BP), 2016, Statistical Review of World Energy (London).

Forbes, Kristin, Dennis Reinhardt, and Tomasz Wieladek, 2016, "The Spillovers, Interactions, and (Un)Intended Consequences of Monetary and Regulatory Policies," NBER Working Paper 22307 (Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research).

Hufbauer, Gary, and Euijin Jung, 2016, "Why Has Trade Stopped Growing? Not Much Liberalization and Lots of Microprotection," Peterson Institute for International Economics report (Washington).

International Monetary Fund (IMF), 2016, World Economic Outlook (Washington, October).

Lund, Susan, Toos Daruvala, Richard Dobbs, Philipp Härle, Ju-Hon Kwek, and Ricardo Falcón, 2013, Financial Globalization: Retreat or Reset? (Washington: McKinsey Global Institute).

Manyika, James, Susan Lund, Jacques Bughin, Jonathan Woetzel, Kalin Stamenov, and Dhruv Dhingra, 2016, Digital Globalization: The New Era of Global Flows (Washington: McKinsey Global Institute).